

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-137-141>

НИОН: 2015-0066-2/22-288

MOSURED: 77/27-011-2022-02-487

Привлечение в качестве обвиняемого – логическое завершение предварительного следствия

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению привлечения в качестве обвиняемого как акта уголовного преследования в досудебном производстве. Обосновывается, что данный акт по общему правилу должен завершать основную фазу предварительного следствия, являться логическим итогом совокупности процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Одновременно анализируются причины, повлиявшие на распространение иной практики привлечения к уголовной ответственности, состоящей в вынесении первоначального и окончательного обвинений.

Ключевые слова: досудебное производство, обвинение, обвиняемый, предварительное следствие, привлечение в качестве обвиняемого, уголовное преследование

Для цитирования: Россинский С. Б. Привлечение в качестве обвиняемого – логическое завершение предварительного следствия // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. С. 137–141. <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-137-141>.

Original article

Attracting as the accused – logical conclusion of the preliminary investigation

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The article is devoted to attracting as an accused as an act of criminal prosecution in pre-trial proceedings. It is substantiated that this act, as a general rule, should complete the main stage of the preliminary investigation and be the logical result of a set of procedural actions to establish the circumstances included in the subject of proof. At the same time, the author analyzes the reasons that influenced the spread of another practice of bringing to criminal responsibility, consisting in the issuance of initial and final charges.

Keywords: pre-trial proceedings, accusation, accused, preliminary investigation, attracting as an accused, criminal prosecution

For citation: Rossinskiy S. B. Attracting as the accused – logical conclusion of the preliminary investigation. Bulletin of economic security. 2022;(2):137–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2414-3995-2022-2-137-141>.

Среди всего множества вопросов, входивших в предмет научных исследований профессора Лидии Михайловны Карнеевой, особое место традиционно занимали различные аспекты привлечения в качестве обвиняемого как следственной процедуры, предполагающей формулирование и выдвижение в отношении лица уголовно-правовой претензии, обусловленной выводами следователя об избличении этого лица в совершении инкриминируемого ему преступления. Причем такое пристальное внимание ученого к проблематике было далеко не случайным. Ведь при-

влечение в качестве обвиняемого – это наивысшая, кульминационная точка предварительного следствия. Оно выражает само предназначение досудебного производства, которое, собственно говоря, и сводится к обеспечению возможности формирования позиции государственного обвинения (уголовно-правовой претензии) как предмета предстоящего судебного разбирательства [9, с. 18].

По смыслу ч. 1 ст. 171 УПК РФ следователю надлежит выносить постановление о привлечении в качестве обвиняемого при наличии такой достаточной

совокупности доказательств, которая побуждает к практически абсолютной убежденности в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления. На это обстоятельство уже неоднократно обращали внимание ученые-процессуалисты [2, с. 78; 8, с. 186; 11, с. 120 и др.]. В частности, Л. М. Карнеева связывала момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого с двумя условиями: 1) с убежденностью следователя в согласованности и непротиворечивости имеющихся доказательств, подтверждающих вывод о совершении лицом преступления; 2) с устранением любых возникающих по этому поводу сомнений [5, с. 128]. Схожие позиции можно встретить и в решениях Конституционного Суда РФ (например, в определении от 21 декабря 2006 г. № 589-О).

Конечно подобная убежденность не предполагает юридическое признание виновности данного лица, а постановление о привлечении в качестве обвиняемого не детерминирует юридических последствий, тождественных последствиям, вытекающим из обвинительного приговора суда. Указанный следственный акт является не более чем актом досудебного привлечения к уголовной ответственности, имеет сугубо предварительный характер, а изложенный в нем обвинительный тезис содержит лишь обоснованную позицию одной из сторон предстоящего судебного спора. Вместе с тем, принимая данное решение, следователь как представитель публичной власти, как полномочный субъект уголовной юрисдикции должен быть абсолютно уверен в неоспоримости и доказанности выдвинутой им уголовно-правовой претензии, т. е. в дальнейшей судебной перспективе уголовного дела с позитивным для стороны обвинения исходом. В противном случае нарушается один из концептуальных принципов уголовного судопроизводства – презумпция невиновности, а именно предписание о толковании всех неустранимых сомнений в виновности в пользу обвиняемого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). И, таким образом, следственные акты о привлечении в качестве обвиняемых, содержащие сомнительные, «натянутые» позиции, не продиктованные абсолютной внутренней непоколебимостью их авторов в своей правоте, т. е. не обусловленные достаточной совокупностью доказательств, надлежит расценивать как незаконные либо просто преждевременные.

Именно поэтому законодатель не устанавливает и не может устанавливать (!) никаких четких сроков для вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. А выбор наиболее подходящего для этого времени находится в зоне дискреционных полномочий и сфере процессуальной самостоятельности следователя (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Он обуславливается лишь predetermined принципом

свободы оценки доказательств внутренним убеждением, базируется на совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств, доброкачественность, убедительность и достаточность которых определяется на основании закона, совести, а по факту – и других полезных свойств личности современного правоприменителя. Следовательно, акт привлечения лица к уголовной ответственности не может быть преждевременным. И в этой связи Л. М. Карнеева совершенно справедливо писала о преждевременном обвинении как о результате формального отношения к требованиям закона, неумения правильно определить основания, достаточные для привлечения в качестве обвиняемого [4, с. 46].

Из сказанного закономерно вытекает вполне понятный и однозначный посыл: привлечение в качестве обвиняемого по общему правилу должно замыкать основную, т. е. собственно «расследовательскую» фазу предварительного следствия, являться логическим завершением совокупности следственных (иных процессуальных) действий, направленных на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и осуществляться в преддверии передачи материалов уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд. Поэтому постановление о привлечении в качестве обвиняемого надлежит выносить непосредственно перед началом финальной части предварительного следствия, предусмотренной гл. 30–31 УПК РФ. А вся дальнейшая процессуальная деятельность уже не имеет «расследовательской», т. е. познавательной направленности и сводится к обеспечению прав обвиняемого, других участников уголовного судопроизводства, к надлежащему юридическому завершению предварительного расследования, оформлению его результатов и т. д.

Правда, несмотря на всю очевидность данного доктринального постулата, он имеет известную степень условности и сориентирован на самые простые дела, подразумевающие уголовное преследование лишь одного обвиняемого. Тогда как в ходе предварительного расследования более сложных уголовных дел о групповых преступлениях вполне могут складываться ситуации, не предполагающие единовременное осознание следователем оснований для привлечения к уголовной ответственности всех «фигурантов». Кроме того, установленный гл. 23 УПК РФ механизм предполагает возможность обвиняемого возразить против содержания выдвинутой уголовно-правовой претензии, сообщить какие-либо новые сведения, заявить ходатайство и т. д., что иногда приводит к объективной потребности в расследовании дополнительных обстоятельств и последующем вынесении нового постановления о привлечении в качестве обвиняемого в порядке ч. 1 ст. 175 УПК РФ либо частичном прекращении уголовного преследования в

порядке ч. 2 ст. 157 УПК РФ (такая потребность может быть вызвана и результатами процессуальных действий, проведенных в отношении других обвиняемых).

Однако представляется, что все подобные обстоятельства никоим образом не могут поколебать или поставить под сомнение общую позицию о привлечении в качестве обвиняемого как об заключительном процессуальном акте «расследовательской» фазы досудебного производства. А predetermined такими обстоятельствами особенности всего лишь придают базовому механизму досудебного привлечения лица к уголовной ответственности определенные оттенки, приводят к возникновению ряда специфических процессуальных алгоритмов и прикладных технологий, обладающих той или иной степенью вариативности. Ведь никакие особые условия или тому подобные причины не могут лишить акт привлечения в качестве обвиняемого его подлинного правового смысла, т. е. разорвать его взаимосвязь с предназначением всего досудебного производства в целом и предварительного расследования в частности. По крайней мере, закон не предусматривает никаких специальных правовых гипотез, допускающих возможность досудебного привлечения к уголовной ответственности без достаточной совокупности доказательств обуславливающих убежденность следователя в изобличении человека в совершении инкриминируемого ему преступления. Поэтому любое решение о привлечении в качестве обвиняемого по смыслу закона изначально должно сопровождаться уверенностью автора (следователя) о выполнении всех возможных следственных (иных процессуальных) действий и завершении «расследовательского» этапа досудебного производства, по крайней мере в части уголовного преследования соответствующего лица, а также предварительным оптимистическим расчетом на отсутствие необходимости дальнейшего производства дополнительного расследования и перепредъявления обвинения.

Вместе с тем в реальной правоприменительной практике укоренился принципиально иной подход к досудебному привлечению лиц к уголовной ответственности. Для современных следователей уже вошла в привычку существующая не один десяток лет прикладная технология, состоящая в двухэтапном и растянутом на достаточно длительный срок механизме привлечения в качестве обвиняемого. Сначала в отношении лица формулируется так называемое первоначальное («пилотное») обвинение, как правило, основанное на результатах ряда безотлагательных следственных и иных процессуальных действий. А затем, уже в завершении предварительного следствия, формулируется окончательное обвинение (обвинение в окончательной редакции), опирающееся на

итоги полноценно, всесторонне и объективно проведенного расследования, обоснованное достаточной совокупностью доказательств и обусловленное убежденностью следователя в изобличении лица в совершении преступления. Причем в качестве нормативной основы данной прикладной технологии в настоящее время используется все та же ч. 1 ст. 175 УПК РФ, которая, как уже отмечалось выше, допускает возможность повторного вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, содержащего новую редакцию прежнего обвинения. И в этой связи весьма примечательно, что некоторые ученые-процессуалисты пишут об указанной технологии как о чем-то, очевидном, естественном, само собой разумеющемся, не вызывающем и тени сомнения [2, с. 81; 7, с. 137 и др.].

Нетрудно заметить, что в подобном двухэтапном механизме подлинный смысл привлечения в качестве обвиняемого, состоящий в выдвижении в отношении лица уголовно-правовой претензии как предмета предстоящего судебного разбирательства, присущ лишь второму этапу, т. е. формулированию окончательного обвинения (обвинения в окончательной редакции). Тогда как фактически набросанное на «скорую руку», первоначальное обвинение является не более чем выдвинутой в определенный момент досудебного производства предварительной следственной версией, обуславливающей необходимость дальнейшего расследования в целях более полного установления (доказывания) всех обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела. Иными словами, «пилотное» обвинение является никаким не обвинением, а ничем иным как типичным подозрением какого-либо лица в совершении некоего преступления.

В этой связи закономерно возникает вопрос: что заставляет практических работников использовать указанную двухэтапную практическую технологию привлечения в качестве обвиняемого, а ученых-процессуалистов писать о ней как о чем-то очевидном, естественном, само собой разумеющемся? Тем более, что подобный алгоритм сильно перегружает уголовный процесс, поскольку предполагает необходимость двукратного выполнения по сути одной и той же работы.

Как это не прискорбно, ответ на данный вопрос является более тем тривиальным. Правоприменительная практика в этой части в очередной раз страдает из-за непродуманности уголовно-процессуального законодательства, несогласованности различных положений закона. Потребность в выдвижении и предъявлении «пилотного» обвинения связана с вытекающим из смысла гл. 13 УПК РФ абсолютно неразумным требованием о нахождении лица в статусе обвиняемого как о правовом условии избрания в

отношении него меры пресечения. Наиболее наглядно эта потребность проявляется в случае задержания подозреваемого с перспективой его дальнейшего заключения под стражу или под домашний арест. Ввиду весьма лимитированного 48-часового срока ограничения свободы подозреваемого без судебного решения (из которого надо еще исключить время, потраченное на доставление задержанного к следователю, а также 8-часовой срок, предусмотрительно «зарезервированный» законодателем для проведения самого судебного заседания) следователю надлежит произвести все необходимые следственные и иные процессуальные действия, по результатам которых сформулировать и предъявить первоначальное обвинение в очень сжатый промежуток времени – немногим более суток.

В принципе в распоряжении следователя имеется и другой вариант решения проблемы – применение меры пресечения к подозреваемому в порядке ст. 100 УПК РФ. Однако по смыслу закона подобную возможность следует расценивать как исключение из общего правила [6, с. 536–537], прибегая к ней в наиболее сложных ситуациях (например, при большом количестве задержанных, ввиду удаленности суда от места проведения первоначального этапа расследования, при наличии иных необычных обстоятельств). Тем более, что установленный ст. 100 УПК РФ процессуальный режим не является постоянным, а действует достаточно непродолжительное время (10 или 30 суток, которые на практике в случае предварительного задержания подозреваемого превращаются в соответственно 8 или 28 суток), т. е. всего лишь представляет следователю некоторую отсрочку, не исключающую обязанность сформулировать и предъявить «пилотное» обвинение.

В одной из наших прежних публикаций уже отмечалось, что коллизия между положениями закона, регламентирующими правовые условия привлечения в качестве обвиняемого и избрания мер пресечения, имеет достаточно длительную историю. А ее возникновение было связано с предпринимаемыми советским законодателем попытками заимствования ряда хорошо зарекомендовавших себя дореволюционных процедур без их надлежащей адаптации к новым на тот момент реалиям уголовного судопроизводства [10, с. 35]. К великому сожалению эти правотворческие шаги оказали весьма негативное влияние на последующее развитие отдельных механизмов уголовного преследования – привели к противоестественной практике «пилотных» обвинений, не основанных на результатах полноценного, всестороннего и объективно проведенного расследования, не подтвержденных достаточной совокупностью доказательств, не обусловленных убежденностью следователя в избличении лица в совершении инкриминируемого ему преступления.

Представляется, что по общему правилу акт привлечения в качестве обвиняемого может быть только один – окончательный, замыкающий собственно «расследовательскую» фазу досудебного производства, являющийся ее логическим завершением и подлежащий вынесению в преддверии направления уголовного дела для дальнейшего рассмотрения в суд. А предусмотренный ч. 1 ст. 175 УПК РФ порядок изменения или дополнения обвинения вовсе не предполагает сплошного, безразборного использования по всем уголовным делам, находящимся в производстве органов предварительного следствия. По смыслу закона такой механизм имеет сугубо исключительный характер и может оказаться достаточно востребованным или даже необходимым лишь при наличии каких-то особых обстоятельств, не свойственных большинству других уголовных дел, а связанных с потребностью расследования дополнительных обстоятельств, ставших известными в процессе предъявления обвинения или позднее.

Процессуальный порядок привлечения в качестве обвиняемого в ходе предварительного следствия должен отчасти напоминать механизмы, в настоящее время присущие второй форме предварительного расследования – дознанию, где лицо вплоть до окончания досудебного производства пребывает в статусе подозреваемого, приобретаемого в том числе посредством направления специального уведомления о подозрении в совершении преступления (ст. 223.1 УПК РФ), а уголовно-правовая претензия формулируется лишь на завершающем этапе и находит отражение в обвинительном акте. Кстати, в этой связи некоторые современные ученые предлагают вообще отказаться от следственных процедур привлечения в качестве обвиняемого, полностью заменив их механизмами, используемыми в части дознания, т. е. по факту устранить последние различия между пока еще существующими формами предварительного расследования [1, с. 10 и др.]. Однако указанные вопросы требуют проведения самостоятельно исследования, связанного с рассмотрением проблем привлечения в качестве обвиняемого в несколько ином ракурсе, чему мы планируем уделить внимание в других публикациях.

Список источников

1. Гаврилов Б. Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.
2. Еникеев З. Д. Уголовное преследование : учебное пособие. Уфа : БашГУ, 2000. 132 с.
3. Ефремова Н. П., Кальницкий В. В. Привлечение в качестве обвиняемого : учеб.-практ. пособие. Омск : ОМА МВД России, 2007. 107 с.

4. Карнеева Л. М. Привлечение в качестве обвиняемого : метод. пособие. М. : Юрид. лит., 1962. 96 с.
5. Карнеева Л. М. Привлечение к уголовной ответственности. Законность и обоснованность. М. : Юрид. лит., 1971. 136 с.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. М. : Статут, 2016. 1276 с.
7. Мазюк Р. В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2009. 216 с.
8. Полянский Н. Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во Московского университета, 1956. 271 с.
9. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М. : Норма, 2021. 408 с.
10. Россинский С. Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 30–36.
11. Строгович М. С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 191 с.
12. Якубович Н. А. Обвинение и его обоснованность на предварительном следствии // Актуальные проблемы совершенствования деятельности органов внутренних дел в новых экономических и социальных условиях : сборник научных трудов. М. : ЮИ МВД России, 1997. С. 250–253.

References

1. Gavrilov B. Ya. XX years of the Russian criminal procedure law: does it correspond to the scientific views and requirements of the law enforcement officer // Laws

of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 6. P. 7–14.

2. Enikeev Z. D. Criminal prosecution: studies. stipend. Ufa : Bashgu, 2000. 132 p.

3. Efremova N. P., Kalnitsky V. V. Involvement as an accused: study-practice. stipend. Omsk : OMA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2007. 107 p.

4. Karneeva L. M. Involvement as an accused: method. manual. M. : Legal lit., 1962. 96 p.

5. Karneeva L. M. Criminal prosecution. Legality and validity. M. : Legal lit., 1971. 136 p.

6. The course of the criminal process / ed. by L. V. Golovko. M. : Statut, 2016. 1276 p.

7. Mazyuk R. V. Institute of criminal prosecution in the Russian criminal procedure. M. : Yurлитinform, 2009. 216 p.

8. Polyansky N. N. The theory of the Soviet penal process. M. : Publishing house of Moscow University, 1956. 271 с.

9. Rossinsky S. B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. M. : Norm, 2021. 408 p.

10. Rossinsky S. B. Legal conditions for the application of measures of criminal procedural restraint lead to haste and unreasonableness of the accusation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2018. No. 5. P. 30–36.

11. Strogovich M. S. Criminal prosecution in the Soviet criminal process. M. : AN SSSR, 1951. 191 p.

12. Yakubovich N. A. The prosecution and the validity of the preliminary investigation // Actual problems of improving the activity of bodies of internal Affairs in the new economic and social conditions : collection of scientific papers. M. : YUI MVD Rossii, 1997. P. 250–253.

Информация об авторе

С. Б. Россинский — главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

S. B. Rossinskiy – Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 01.06.2022.

The article was submitted 05.04.2022; approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 01.06.2022.